

О.В. Скобелкин

ВОРОНЕЖСКАЯ ТРАГЕДИЯ 1590 ГОДА

*«...тогда козаковал почти всякий
и набирал в чужих землях немало добра...»
(Н.В. Гоголь. Вечер накануне Ивана Купала)*

Через несколько лет после основания Воронеж пережил свою первую трагедию. Сведения о ней дошли до нас, кажется, всего лишь в четырех документах; два из них были созданы в Посольском приказе, а два – в Разряде.

Первый документ – это статейный список пребывания в России в 1592 г. дипломатической миссии из Речи Посполитой – посланника Павла Волка и гонца Мартина Сушского, выписи из которого были изданы Г.Н. Анпиловым.

Посланник П. Волк на приеме у царя, после целования руки, «подал государю список обидным делом и бил челом государю, чтоб государь о тех делах велел ему ответ учинити». «Список обидным делам» представлял собой перечень претензий со стороны Речи Посполитой к Московскому государству. Подготовить ответ на эти претензии и изложить его посланнику было поручено руководителю Посольского приказа дьяку Андрею Щелкалову и дьяку того же приказа Постнику Дмитриеву. На переговорах, которые последовали за приемом во дворце, А. Щелкалов выступил с подготовленным ответом. Суть его сводилась к отклонению польско-литовских претензий и к выдвижению встречных претензий, среди которых первой была следующая:

*«<...> да и внове многие обиды учинились от государя
вашего людей (т.е. от подданных короля Речи Посполи-*

той – О.С.): *город Воронеж сожгли и воеводу и многих людей побили, а взяли в том городе больше 40 000 рублей; и в нынешнее в перемирное время*¹.

Более подробная информация о событиях в Воронеже содержится в статейном списке А.Д. Резанова, который был послан в Речь Посполитую в том же 1592 г., выписи из которого так же были опубликованы Г.Н. Анпиловым. Именно в этом статейном списке содержится часто цитируемый историками «Список обидным делам», который в документе имеет заголовок «Список обидным делом к Жигимонту королю с посланником с Офонасьем с Резановым послан таков. Выписаны задоры и обиды, что учинились от литовских людей в перемирные лета». Это – перечень претензий русской стороны к польско-литовской стороне. В нем, в частности, говорилось:

«А в 98-м году литовские ж люди – черкасы из Канева и ис Черкас да ис Переяславля атаманы Денис да Селепской, да Боран, да Гусак с товарищи² – приходили ко государеву украинному городу к Воронежу, а прислали с поля, что они пришли к Воронежу на Дон для крымских и азовских людей и хотят з государскими людьми над татары промышляти. И воеводы государевы послали к ним корм и тех, которые от них приехали, поили и кормили и заначевали в остроге. А почали от них правды, что з государем Коруна Польская и Великое княжество Литовское в перемирие. И черкасы пришли ночью и тот город сожгли, и государева воеводу убили, и людей многих побили, а иных сожгли, а иных живых поимали, и многие убытки починили. А учинилось в том городе, что сожгли и поимали снарядов и всяких убытков на 40 000 рублей, oprичь людей»³.

Третий источник – это Разрядная книга 1550–1636 гг. В Архивном списке книги (только в нем!) под 7198-м годом имеется запись:

«Того же году в апреле пришли черкасы с поля безвесно и сожгли город Воронеж и воеводу князя Ивана Шибановского Долгорукова убили и многих людей побили»⁴.

И, наконец, четвертый документ – Разрядная книга 1475–1605 гг., в которой под 7198-м годом записано:

«И того же году весною месеца апреля приходили к Воронежю городу черкасы каневские, шестьсот человек, и город, пришед ночью, сожгли, а воеводу князь Ивана Ондреевича Шебановского Долгорукова убили и город весь сожгли. И государь прислал на Воронеж воеводу князь Григорья Ивановича Долгорукова Чорта да голову Гура Вердеревского; а города послал государь ставить Воронежа Петра Суворова сына Наукова»⁵.

Как видим, все четыре сообщения различны как по объему информации, так и по набору конкретных фактов. При этом наибольшее число подробностей содержится в «Списке обидным делам» статейного списка А.Д. Резанова.

Попробуем разобраться с каждым фактом.

Дата события

Из двух документов, составленных в Посольском приказе, один вообще не приводит даты, второй же содержит лишь указание на год – 7198-й (1589/90 г. – по современному летоисчислению). Более точная дата была не важна, поскольку, как представляется, главной целью сообщения о сожжении Воронежа было показать польской стороне, что подданные Речи Посполитой произвели враждебные действия в «перемирное время». Знали ли руководство приказа более точную дату? Полагаю, что да. Дело в том, что города на Поле, с момента основания Воронежа и Ливен и, по-видимому, до окончания Смуты, находились в подчинении Посольского приказа⁶. Следовательно, в первую очередь именно в это ведомство и должна была попасть информация, причем подробная, о разорении Воронежа.

Сообщения разрядных книг содержат указания на месяц – апрель 7198 г., что позволяет более точно датировать воронежскую трагедию по современному летоисчислению – апрель 1590 г. Каким образом об этой дате узнали в Разряде? По-видимому, было два основных канала, по которым информация из города на Поле могла попасть в этот приказ: сообщение (такой документ назывался «памятью») из Посольского приказа и донесение («от-

писка») с описание событий кого-то из начальных людей Воронежа, который в служебном отношении подчинялся Разряду. Как именно в Разряде получили сведения о событиях в Воронеже – по одному ли из этих путей или одновременно по ним обоим, или же еще каким-то образом – мы, скорее всего, никогда уже не узнаем. То, что для разрядных дьяков (в отличие от дьяков Посольского приказа) было принципиальным указание на месяц, объясняется тем, что нужно было указать точную дату гибели воронежского воеводы и, следовательно, дату экстренного, незапланированного, назначения новых служилых людей на воеводские должности в Воронеж. Ради фиксации таких назначений и составлялись разрядные книги.

Состав и численность черкасского отряда

Известие о том, что подданные короля Речи Посполитой были черкасами (т. е. жителями той части Великого княжества Литовского, которой в будущем предстояло стать Малороссией, а затем – Украиной), впервые появляется в «Списке обидным делам»; в речи А. Щелкалова этого еще нет. Повторяется эта информация и в записях обеих разрядных книг. Однако, относительно того, что за черкасы входили в отряд, информация разнится. Если Разрядная книга 1475–1605 гг. называет их каневскими черкасами, то «Список» дает более детальные сведения: в отряд входили черкасы из трех районов Речи Посполитой – из Канева (здесь и далее, имеется в виду не только город, но и округа), из Черкас и из Переяславля. С учетом уже сказанного о роли Посольского приказа в организации жизни (и службы) на территории Поля, надо полагать, что информация «Списка» – достоверна.

Что же касается численности отряда, то лишь Разрядная книга 1475–1695 гг. называет ее – 600 человек. Можно ли доверять этой информации? Тут есть определенные сомнения.

В самой этой цифре нет ничего фантастического. Об отрядах в сотни человек можно встретить и другие известия на протяжении последних двух десятилетий XVI в. Так, в 1585 г. отряд из 400 черкас разбойничал

в Новгород-Северском и Путивльском уездах, а в 1593 г. 200 черкас занимались грабежом в Черниговском уезде (хотя, конечно, такие разбойничьи отряды гораздо чаще насчитывали все-таки не сотни, а только десятки человек)⁷. За год до событий в Воронеже, весной 1589 г., источники фиксируют пребывание на Поле отряда черкас той же численности, что и отряда, разорившего Воронеж. Это были запорожские черкасы во главе с атаманом Матвеем Федоровым. По первоначальным сведениям их насчитывалось 600 человек, а позже количество черкас было уточнено: 620 рядовых и 50 «лучших» атаманов и есаулов⁸. При этом руководители отряда «писали к государю, что они государю служить хотят и пришли на Донец, что им, будучи на Донце, государю служить и над крымскими людьми промышлять государевым делом»⁹. В связи с этим голова русского отряда, посланного тогда же на Поле, получил приказание действовать совместно с черкасами. Правда, объединяться с черкасами нужно было только в том случае, если их намерения подтвердятся действиями; если же черкасы, вопреки их заверениям, начнут разбойничать («учнут, пришед на Донец, наших станичников и сторожей и севрюков громить и грабить и казаков донецких учнут з Донца збивати»), их надлежало «самых погромить». Более того, Посольский приказ (а именно он, судя по подписям дьяка А. Щелкалова на документах, занимался этим делом) несколько раз предупреждал командира русского отряда о необходимости крайне осторожно относиться к этим черкасам, поскольку в любой момент от них можно ожидать «воровства». К июлю 1589 г. отряд М. Федорова успел продемонстрировать свою лояльность в качестве временного союзника: они стояли на сторожах, участвовали в разгроме отряда «воровских» черкас некоего Сеньки Колпака, захватили и доставили в Москву языков – ногайского татарина и нескольких «воровских» черкас¹⁰. После этого они обратились с просьбой о предоставлении им продовольствия. В ответ Москва не только направила им ржаную муку и толокно, но и послала своего рода премию за службу – жа-

лованье, которой включало в себя для атамана – доспех («пансырь да шело»), «портище» лучшего сукна сорта «лундыш», пять рублей и персональный барабан (тулумбас); 2 барабана (накры) всему отряду, сукна атаманам и есаулам и 100 рублей на весь отряд¹¹. Как дальше развивались события – к сожалению, неизвестно.

Возникает соблазн предположить, что именно отряд М. Федорова пришел «с Поля» к Воронежу в апреле 1590 г. Действительно, здесь есть три совпадения¹²: совпадает численность отрядов; черкасы из Канева и Черкас были запорожскими черкасами, возможно к ним относились и черкасы из «Переяславля»¹³; и те и другие заявляли о желании действовать на Поле против татар совместно с русскими служилыми людьми. Тот факт, что сам Федоров не назван ни в качестве предводителя, ни среди атаманов, может объясняться тем, что к весне 1590 г. он сам или с группой своих людей мог покинуть отряд.

Однако выходявшие в Поле, главным образом с целью грабежа, отряды черкас, по-видимому, не были постоянными формированиями, отрядами с постоянным составом атаманов и рядовых. (Хотя, насколько мне известно, этот сюжет еще не был предметом специального изучения). Отряд Федорова мог появиться под Воронежем в апреле 1590 г. только при одном условии: он должен был, не возвращаясь домой, оставаться на территории Поля с лета 1589 г. и, следовательно, эти 600 человек вместе с лошадьми должны были зазимовать на Поле. Такую зимовку представить себе трудно; особенно учитывая, что даже в начале лета 1589 г. руководители отряда жаловались на нехватку продовольствия. Да и факты зимовок на Поле даже небольших групп, а не сотен конных людей, пока, кажется, неизвестны. Поэтому наиболее вероятным представляется то, что черкасский отряд, пришедший к Воронежу с Поля, вышел в начале весны из пределов Речи Посполитой, где и был сформирован, по-видимому, незадолго до этого похода.

В сведениях о численности отряда настораживает и то, что в «Списке обидным делам» о ней вообще ничего

не говорится; число «600» есть только в Разрядной книге 1475–1605 гг. Это выглядит особенно странным, с учетом того, что были известны и имена атаманов, и районы, откуда они пришли со своими людьми. Трудно представить, чтобы воронежцы, среди которых было немало людей способных по следу конного отряда в степи (сакме) определить численность людей и лошадей в этом отряде, не смогли «сметить» количество черкас, пришедших к городу. Также маловероятным представляется, что данные о численности черкас не были сообщены в Москву вместе с сообщением о разорении города. А это означает, что составители «Списка обидным делам» по каким-то причинам не стали включать эти сведения в документ, хотя, по логике вещей, желая подчеркнуть несоблюдение польской стороной перемирия, русская сторона должна была обязательно привести эти данные, поскольку они показывали бы масштаб враждебных действий.

В «Списке» применительно к численности отряда даже не используется типичный для него и других подобных документов неопределенный оборот «многие люди». Следовательно, упрекать польскую сторону в «многолюдности» черкасского отряда в Посольском приказе не сочли возможным; и, скорее всего, потому, что отряд, пришедший к Воронежу, был все-таки небольшим.

Что же касается числа «600», то, вполне возможно, оно попало в Разряд, а затем и в разрядную книгу из документов 1589 г., содержащих сведения об отряде М. Федорова. Такой информацией Посольский приказ должен был делиться с Разрядом.

Что происходило перед пожаром

Из четырех упомянутых источников лишь два содержат некоторые подробности того, что происходило в Воронеже непосредственно перед пожаром. Разрядная книга 1475–1605 гг. говорит лишь, что события произошли ночью. Более подробный рассказ содержится в «Списке обидным делам». Именно эти, хотя и очень краткие, сведения позволяют хотя бы отчасти реконструировать события, предшествовавшие воронежской трагедии.

Итак, отряд черкас подошел к городу. Слова «Списка» «а прислали с поля, что они пришли к Воронежу на Дон для крымских и азовских людей и хотят з государскими людьми над татары промышляти» позволяют предполагать, что еще до подхода отряда к крепости туда была направлена какая-то небольшая группа, которая и сообщила городовым воеводам о причинах появления черкас на Поле вообще, и под Воронежем, в частности. Весьма вероятно, что «депутация» попросила помочь отряду с «кормом». Впрочем, формулировка документа не исключает и того, что «депутация» была направлена в город лишь тогда, когда отряд уже был под его стенами.

То, что стали известны имена атаманов, а также места на территории Великого княжества Литовского (ставшего с 1569 г. частью Речи Посполи-той), из которых пришли черкасы (Канев, Черкасы, Переяславль), свидетельствует о том, что воронежские администраторы, как тогда и полагалось, подробно «расспросили» тех членов отряда, которых пустили в город. Состояние перемирия с Речь Посполитой, а также то, что впущенные в город представители заявили о своем желании «промышлять» над татарами, да еще и совместно с русскими служилыми людьми, предопределили гостеприимство воронежских воевод и то, что «депутации» разрешили остаться на ночевку в городе.

Источник сообщает, что отряду были посланы какие-то припасы. Однако из текста документа неясно, был ли посланный «корм» своего рода угощением на один раз или же черкасам выдали продовольствие на более или менее длительный срок.

Пока весь отряд находился вне города, воеводы угощали («поили и кормили») «депутатов», среди которых, возможно, были и перечисленные в «Списке» атаманы – «Денис да Селепской, да Боран, да Гусак»¹⁴. Судя по тому, что после застолья впущенные в город черкасы заночевали в остроге; скорее всего, именно там располагалась воеводская резиденция и там же проходил прием.

Что происходило дальше, до начала пожара и разгрома – на основе имеющейся информации реконстру-

ировать практически невозможно. Фраза «Списка» «И черкасы пришли ночью и тот город сожгли» и такие же по краткости сообщения других трех источников дают возможность лишь вступить на зыбкую почву предположений; от самых драматических до самых приземленно-бытовых.

Город заснул, и черкасы-«депутаты» во мраке прокрались к воротам, «сняли» караульных, и отряд, затаившийся по ту сторону стены, ворвался в город? То же самое, но только караульные валялись мертвецки пьяные, поскольку воспользовались тем, что начальство гуляло с черкасами? Застолье перешло в конфликт (про ночевку черкасских представителей позже, докладывая в Москву, приврали, чтобы снять с себя ответственность), затем – в вооруженную драку, начался пожар, а уже на шум и огонь, когда стало ясно, что надо помочь своим и есть возможность пограбить, отряд ворвался в город, и начался погром? У членов отряда были родичи, знакомые или доброжелатели среди воронежцев, которые и помогли черкасам войти в город? Подобные догадки можно множить и множить, но вряд ли такой путь будет конструктивным. Без новых архивных находок, надежда на которые невелика, детали произошедшего апрельской ночью 1590 г. для нас навсегда останутся неизвестными.

Пожар

Что скрывается за словами «тот город сожгли», «город Воронеж сожгли» – пожар, уничтоживший все поселение или нечто иное?

Термин «город» в XVI–XVII вв. имел много значений. Применительно к воронежской трагедии трактовок может быть две: весь населенный пункт или же только часть населенного пункта, окруженная укреплениями, построенными «по городовому» – стеной, состоящей из линии срубов.

Что касается второй трактовки, то мы, к сожалению, не знаем, был ли уже к этому времени построен в Воронеже «город» или нет. Единственный документ, содержащий указание на тип воронежских укреплений –

«Список обидным делам» – упоминает лишь острог. Если обратиться к документам 1594 г., содержащим сведения о строительстве в Воронеже «города», то мы увидим, что когда началось это строительство (которое, заметим, шло довольно медленно), острог уже существовал¹⁵. Учитывая, что построить острог было гораздо проще и быстрее, нежели «город», вполне возможно, что в 1585/86 г. на высоком правом берегу реки Воронеж был возведен именно острог, а вот был ли к 1589/90 г. (об этой дате – ниже) построен еще и «город» – на основании известных на сегодняшний день документов выяснить не представляется возможным.

Контекст же имеющихся четырех чрезвычайно кратких сообщений о пожаре оставляет впечатление, что речь идет все-таки о населенном пункте, т. е. о «городе» в том же значении, в котором это слово употребляется и в наши дни.

Но каковы были масштабы этого пожара? Уничтожил ли он все укрепления и постройки или только какую-то их часть? К сожалению, и на эти вопросы ответа пока нет. Правда, некоторые предположения, все-таки можно сделать.

В опубликованных документах о постройке «города» в Воронеже в 1594 г. мы не встречаем даже намека на то, что сохранились какие-либо следы пожара четырехлетней давности. (Хотя при этом следует иметь в виду, что в издание попали не все документы соответствующего столбца.) В то же время факт посылки в Воронеж после пожара двух воевод («И государь прислал на Воронеж воеводу князь Григорья Ивановича Долгорукова Чорта да голову Гура Вердеревского») и сама формулировка соответствующей записи разрядной книги свидетельствуют, на мой взгляд, о том, что посылались они не на пустое пепелище, а во все еще существующее поселение. Окончание же этой записи – «а города послал государь статить Воронежа Петра Суворова сына Наукова» – говорит о том, что после апрельской трагедии было решено укрепить поселение более мощными, по сравнению с остро-

гом, укреплениями – «городом», т. е. стеной, рубленой «по городовому».

Все это позволяет предположить, что пожар все-таки не был тотальным; он не уничтожил весь город; а оборот «город сожгли» не следует понимать буквально. Такая формулировка, скорее всего, предназначалась для польской стороны с тем, чтобы придать масштабности обвинениям во враждебных действиях королевских подданных.

Людские потери

Источники зафиксировали имя лишь одного погибшего человека – воронежского воеводы – князя Ивана Андреевича Шибановского Долгорукова. При этом настораживает тот факт, что его имя есть только в разрядных книгах; оба документа с информацией о воронежской трагедии, составленные в Посольском приказе, воеводу по имени не называют. Допустить, что там не знали имени воеводы подведомственного города – невозможно. Кроме того, в «Списке обидным делам» перечисляются факты убийства «литовскими людьми» в разные годы и в разных местах 191 человека, и при этом названы имена 57 людей, отнюдь не княжеского достоинства и не воеводского ранга – бортников, севрюков и т. п.

Что касается других жертв черкасского нападения, то о них сказано более, чем кратко – «многих людей побили» (речь Щелкалова) и «людей многих побили, а иных сожгли, а иных живых поимали» («Список»).

По поводу этих двух сообщений можно сказать следующее.

Во-первых, формулировка «многих» означает, что погибла лишь ка-кая-то часть населения, а остальные остались живы.

Во-вторых, «поимание» «иных живых», если такое действительно имело место, указывает на одну из возможных целей самого этого похода черкасов – захват пленных, для продажи в холопство или рабство или же возвращение за выкуп¹⁶. Но какие цифры стоят за упомянутыми «иными», сказать трудно, но в любом случае их

было очень немного; в противном случае русская сторона не преминула бы указать на большие потери пленными.

Что же касается тех «иных», которых черкасы сожгли, то здесь речь идет, как мне кажется, не об изуверской казни, а о погибших в начавшемся пожаре. Скорее всего, логика составителей документа была такова: поскольку виновными в пожаре были именно черкасы, то они и были виновны в гибели сгоревших. Но и здесь, опять-таки, мы не располагаем ни числом сгоревших, ни их именами.

И вновь здесь мы сталкиваемся с непонятными умолчаниями; особенно странными с уже упомянутыми подробностями того же «Списка» об убийствах бортников и прочих.

Кроме того, надо иметь в виду, что в Посольском приказе каким-то образом узнали и о трагедии и некоторые детали произошедшего, в частности имена черкасских атаманов. В обычных условиях важные сведения сообщались либо в отписках воеводы (воевод) или головы, либо в отписках других начальных людей — казачьего головы, стрелецкого головы, казачьих и стрелецких сотников. Следовательно, кто-то из начальных людей пережил трагедию и отправил отписку в Москву, в которой и сообщил о событиях в городе.

Сообщение «Списка» о том, черкасов в городе принимали воеводы, а не воевода, позволяет предположить, что в апреле в Воронеже был и второй воевода, имя которого не попало в разрядные книги из-за его «неродословности». То, что о его гибели и гибели других «начальных людей» ничего не говорится, свидетельствует, на мой взгляд, о том, что, скорее всего, они остались в живых. В противном случае, как представляется, Посольский приказ не преминул бы упомянуть об этом с тем, чтобы обличаемые польско-литовские «неправды» выглядели еще ужаснее.

Материальные потери

В той части «Списка обидным делам», где говорится о грабежах и убийствах, совершенными «литовскими людьми» на территории русских уездов, приводятся для каждого случая и денежная сумма материальных потерь.

Во-первых, это уже упоминавшееся нападение отряда черкасов атамана Дениса и «белгородцев»-мусульман на дворцовые села Брянского уезда в 1588/89 г.: *«И пришед з бесермены безвестно, села и деревни выжгли и воевали и людей многих побили, а иных в полон поимали, и животы их пограбили. А взяли в тех селех и в деревнях по смете крестьянских животов на 5000 рублей, да в полон взято и побито крестьянских жон и детей больши двусот человек.»*¹⁷

Во вторых, «Список», как уже говорилось, содержит длинный перечень убитых русских людей и точные данные и о суммах материального ущерба: *«<...> станичников, а в поместьях детей боярских, а в ухажеях бортников и севрюков побили и животы их поимали: в Хотмаишской волости на Ворскле убили бортников Данилка Шубина да Петрушку Шубина сама-третья, а животов их взяли на 20 на 5 рублей; Аврамка Макарова убили сама-друга, а животов их взяли на 17 рублей. Бортново вожа Петрушу Леонова убили сама-пята, а животов их взяли на 30 на 5 рублей. Сению Лешукова убили сама-друга, а животов их взяли на 17 рублей <...>»*¹⁸. Общая сумма ущерба, по моему подсчету, составила 1700 рублей.

Что же касается данных о воронежской трагедии, то в речи Щелкалова содержится обвинение в похищении черкасами более 40 тыс. рублей; в «Списке» же уточняется, что это общая сумма материальных потерь (опричь людей) — *«что сожгли и поимали снарядов и всяких убытков»*. Сорок тысяч рублей наличных денег — сумма совершенно фантастическая; таких денег в Воронеже той эпохи никогда не бывало и быть не могло. Если же, вслед за составителями «Списка», эту сумму считать денежным эквивалентом даже не всего награбленного, а общего нанесенного ущерба (включая сгоревшие постройки, укрепления и т. п.), то она становится несколько более реалистичной¹⁹. Правда, здесь есть одна неувязка: речь Щелкалова составлялась до написания «Списка», и, следовательно, первичным было обвинение в похищении наличных денег в сумме 40 тыс. рублей. Возникает

впечатление, что в Посольском приказе сначала назвали гигантскую сумму похищенной наличности, а уж затем решили говорить не о наличных деньгах, а о более правдоподобных вещах – сумме всего материального ущерба. Пересматривать уже заявленную сумму было уже поздно, и 40 тыс. рублей перешли из речи посольского дьяка в «Список обидным делам» без какой-либо корректировки. При этом, однако, ни методики подсчета этой суммы, ни конкретизации «снарядов» и «убытков» документ Посольского приказа не приводит.

Итак, с сожалением приходится констатировать, что известные на сегодняшний день документы о воронежской трагедии дают нам крайне мало информации для реконструкции событий той апрельской ночи 1590 г. Анализ же двух документов, составленных в Посольском приказе, оставляет впечатление, что многочисленные умолчания в записях о воронежских событиях могут свидетельствовать о том, что масштабы трагедии были далеко не так велики, как это представляла русская сторона польской стороне. Разумеется, это – не более, чем впечатление. Идеальным вариантом была бы находка исходного документа (или его пересказа) – отписки, посланной из Воронежа в Посольский приказ с описанием произошедших событий. Однако надежда на такую находку чрезвычайно мала. Остается другая надежда – археологические раскопки, пусть небольшие по площади, в разных местах той территории, которую занимала воронежская крепость, могут выявить следы трагедии 1590 г. и, возможно, хоть как-то оценить ее масштабы.

¹ Новые документы о России конца XVI – начала XVII в. / публ. Г.Н. Анпилогова. М., 1967. С. 62. (Здесь и далее пунктуация в цитатах несколько изменена мною по сравнению с публикацией.) (Далее – Новые документы о России.)

² Расстановка знаков препинания публикатором (в соответствии с современными правилами, после «ис Черкас» поставлена запятая; в текстах же того

времени знаков препинания не было в принципе) в этой части фразы может создавать впечатление, что перечисленные атаманы «с товарищи», пришедшие из Переяславля, не были черкасами. Однако это не так. Как справедливо отметил в свое время В.П. Загоровский, «в состав отряда входили черкасы из приднепровских городов Речи Посполитой – Канева, Черкас и Переяславля». (Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 207.)

³ Новые документы о России. С. 81.

⁴ Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1976. Т. 2. Вып. 1. С. 66.

⁵ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1987. Т. 3. Ч. 2. С. 164. Разночтения разных списков книги не приводятся, поскольку для данной темы они не имеют значения.

⁶ См.: Глазьев В.Н. Административная подчиненность Центрального Черноземья московским приказам в XVII веке // Исторические записки. Воронеж, 1999. Вып. 4. С. 6–7; Глазьев В.Н. Комплексы документов по управлению городами Центрального Черноземья в конце XVI в.: источниковедческий анализ // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. 2012. № 1. С. 84; Беляков А.В. Раннее упоминание г. Воронежа в документах Посольского приказа // Там же. 2013. № 1. С. 182.

⁷ Папков А.И. Порубежье российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века). Белгород, 2004. С. 90; см. также и следующие страницы.

⁸ Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. / собр. и изд. А. Юшков. М., 1898. Т. 1: 1257–1613 гг. С. 252, 259 и др. (Далее: Акты Юшкова.) См. также: Зенченко М.Ю. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в.: Опыт государственного строительства. М., 2008. С. 67.

⁹ Акты Юшкова. С. 249.

¹⁰ Там же. С. 258–259. Правда, часть захваченных «воровских» черкас они оставили у себя в отряде, в связи с чем Посольский приказ требовал, чтобы пленников повесили и впредь таких пленников в отряд не брали.

¹¹ Там же. С. 259.

¹² При условии, что интересующие нас документы, изданные А.С. Юшковым, подлинные и не претерпели к моменту издания серьезных редакторских правок во время переписывания; в частности, в Герольдмейстерской конторе в XVIII в.

¹³ На первый взгляд, кажется, что переяславских черкас вряд ли можно отнести к запорожским, поскольку Переяслав (в русской традиции – Переяславль) расположен на левобережье Днепра, и, если смотреть со стороны России, город находится до Днепра и его порогов, а не за ними. Но, во-первых, мы достоверно не знаем, как географически понималось «запорожье» в Посольском приказе в 80-х гг. XVI в., и вполне возможно, что и переяславских черкас относили к запорожским. А во-вторых, речь может идти не об этом городе, а о другом – маленьком городке с таким же именем. Такое предположение основывается на формулировке, которая содержится все в том же «Списке обидным делам»: «<...> во 97-м году <...> каневские черкасы из нового городка ис Переяславля <...>». (Новые документы о России. С. 80.) Из этой цитаты следует, что где-то близ Канева незадолго до «97-го» года (т. е. 1588/89 г.) был

основан «городок» (т. е. небольшое укрепленное поселение) под названием Переяславль. В этом случае он, скорее всего, располагался на правом берегу Днепра, и черкасы из него для русской стороны были запорожскими.

¹⁴ Г.Н. Анпилов полагал, речь здесь идет об одном человеке – Денисе Селепском. (Анпилов Г.Н. [Предисловие к Части 3.] // Новые документы о России. С. 309.) Однако, В.П. Загоровский справедливо заметил, что текст источника в данном месте позволяет двойное толкование: либо атаман Денис назван с прозвищем, либо прозвище относится к другому человеку. (Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья. С. 255. Прим. 53.) Если верно последнее, то, возможно, тот же самый атаман Денис назван в записи «Списка обидным делам», предшествующей цитируемой, под «97-м годом» (1588/89 г.): «Да от литовских же людей в перемирие время во 97-м году такие задоры и кроворозлитие учинилось, чего николи в перемирные лета не бывало: каневские черкасы из нового городка ис Переяславля, атаман Денис с товарищи, з белгородцы со многими людьми приходили войною в государеву землю во Брянской уезд на государевы дворцо-вые села неведомою дорогою, которою николи ни крымские ни белгородские люди на те места не прихаживали.» (Новые документы о России. С. 80.) А.И. Папков, судя по контексту его исследования, полагает, что речь идет об одном человеке, что именно он участвовал в обоих нападениях – на Брянский уезд и на Воронеж; однако, хотя исследователь и использует не оригиналы документов, а публикацию Г.Н. Анпилова, дает без каких-либо пояснений иной, по сравнению с публикацией, вариант прозвища атамана – Денис Семпский. (Папков А.И. Указ. соч. С. 92, 94.)

¹⁵ См.: Новые документы о России. С. 374–375 и др.

¹⁶ Следует заметить, что захват «полона» с целью его последующего холопства и/или перепродажи был важной составляющей большинства войн в Восточной Европе той эпохи и стимулом для участия в военных походах.

¹⁷ Новые документы о России. С. 80.

¹⁸ Там же. С. 81 и след.

¹⁹ В этом плане предположение А.И. Папкова о том, что сумма в 40 тыс. руб. являлась стоимостью приготовленного к отправке в казачьи городки жалованья донским казакам (а захват этого жалованья и был целью нападения на Воронеж) (Папков А.И. Указ. соч. С. 95.), противоречит формулировке «Списка». Кроме того, по данным В.П. Загоровского, до XVII в. жалованье на Дон посылалось эпизодически. (Загоровский В. П. Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII веке // Из истории Воронежского края. [Вып. 1.] Воронеж, 1961. С. 133.) Следовательно, черкасам нужно было иметь очень хороших агентов в Воронеже и хорошо налаженную связь с ними, чтобы узнать, что именно весной 1590 г. в город подвозятся припасы для отправки донским казакам. Тем более, что никаких данных о том, что Воронеж стал базой донских отпусков уже в XVI в., кажется, нет. Замечу попутно, что и объяснение М.Ю. Зенченко причин черкасского нападения на Воронеж – город стеснял свободу вольных украинских казаков – вряд ли можно признать убедительным: если посмотреть на имеющиеся данные о передвижениях черкас на территории Поля в эти годы, то видно, что маршруты их разбойничьих походов проходили весьма далеко от небольшой новой крепости близ слияния Воронежа и Дона.